

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К. В. ТРЕВЕР, Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953, 288 стр., тираж 2500 экз., цена 16 р. 70 к.

В основу книги К. В. Тревер положена публикация и подробное исследование некоторых памятников древней Армении, главным образом эпиграфических. Свои исторические выводы автор излагает в связи с трактуемыми памятниками, в виде обширного комментария к ним, освещаая при этом различные стороны общественной, политической и культурной жизни древней Армении. Эта особенность труда К. В. Тревер в значительной мере предопределяет и характер рецензии, когда в большей мере рецензент должен касаться правильности толкования автором исследуемых памятников. Первая часть книги посвящена исследованию одного из интереснейших архитектурных памятников древней Армении, гарнийскому храму, с которым К. В. Тревер связывает ряд важных вопросов политической и культурной истории Армении второй половины I в. н. э. Вторая часть книги представляет собой публикацию всех известных до сих пор эпиграфических памятников Армении античного времени, греческих, латинских и армянских, впервые сопоставленных в одном издании с снабженных обширными исследовательскими экскурсами. В этом смысле труд К. В. Тревер представляет значительный интерес, отличаясь исчерпывающей полнотой привлечения письменных источников как античных, так и древнеармянских, литературы исследуемого вопроса и архивных материалов. Вопреки концепциям буржуазных ученых, приживавших историческую роль армянского народа и его древней культуры, автор старается показать эту культуру во всем ее богатстве и своеобразии. В трактовке отдельных памятников К. В. Тревер дает много интересных соображений относительно их датировки, назначения и роли в жизни армянского народа.

В разделе, посвященном гарнийскому храму, приведены обзоры письменных источников (Тацит и армянские историки IV—XVII вв.) и литературы о гарнийском храме, изложена история раскопок на территории крепости Гарни и, наконец, дано подробное описание основных форм храма и его декорации, которые автор рассматривает на фоне наиболее близких к нему памятников Малой Азии. Главные вопросы, трактуемые автором в следующих главах данного раздела, — это вопрос о назначении и времени построения храма, о местных элементах в его формах и о культе бога Митры в Армении, которому, по мнению автора, и был посвящен гарнийский храм. Все эти вопросы К. В. Тревер исследовала уже ранее в своей статье в XI выпуске «Советской археологии». Однако при сопоставлении соответствующих глав рецензируемой книги с ранее опубликованной статьей возникает ряд серьезных недоумений. Для обоснования датировки гарнийского храма и в статье, изданной в СА, и в рецензируемой книге автором привлечены одни и те же памятники Малой Азии (Писидии — Сагаласс, Термесс, Кремна и Сирия — храм в Ниха) и даны ссылки на те же самые таблицы и рисунки. Однако в статье в СА эти памятники датированы II в., а в рецензируемой книге — I в. Так, наиболее близкой аналогией гарнийскому храму автор считает храм Аполлона Кларосского в Сагалассе, и в статье (СА, XI, стр. 291) последний датирован серединой II в., а в «Очерках» (стр. 51) сказано, что этот же самый храм «сооружен при Веспасиане или его ближайших преемниках», что датирует храм уже второй половиной I в. н. э. К. В. Тревер ссылается на надпись¹, сообщаю-

¹ Ch. L a n c k o r o n s k i, G. N i e m a n n et E. P e t e r s e n, Les villes de la Pamphylie et de la Pisidie, P., 1893, т. II, стр. 238—239, надп. № 200.

щую, что храм построил Т. Флавий Коллегас и его родственники. Однако это еще не означает, что строитель храма был современником императоров дома Флавиев, причем издатель надписи Ландкоронский сам высказался за датировку храма II в. н. э.¹ Один и тот же аканфовый фриз в Сагаласе (рис. 11 рецензируемой книги), с которым сопоставлен фриз храма Гарни, в статье (СА, XI, стр. 293) отнесен ко II в., а в «Очерках» (стр. 55) — к концу I или началу II в. Однако сопоставление декоративных выступов подия гарнийского храма с соответственными рельефами храма в Ниха также указывает на II в.² Что же касается сопоставления гарнийского храма с памятниками Атталей, то близкую аналогию дает арка Адриана, особенности которой также характерны для II в. н. э.³

Таким образом, на основании одних и тех же аналогий К. В. Тревер в двух своих работах различно датирует гарнийский храм: первой половиной II в. в статье (СА, XI, 1949, стр. 294; ср. ее же «Надпись о построении армянской крепости Гарни», Л., 1949, стр. 33) и 70-ми годами I в. н. э. в книге («Очерки», стр. 67). Что же побудило автора к пересмотру своей прежней точки зрения?

Датируя храм II в., К. В. Тревер исходила из анализа его форм и декоративности, сближающих его с упомянутыми памятниками II в., и, рассмотрев затем историческую обстановку в Армении в связи с оккупацией ее войсками Траяна, выдвинула тогда предположение о посвящении храма культу римского императора⁴. В «Очерках», при пересмотре датировки, К. В. Тревер исходит уже не из архитектурных особенностей храма, а из пересмотра своих выводов о назначении храма. К. В. Тревер выдвигает мысль, что храм посвящен Митре и был построен Тиридатом I в то время, когда восстанавливался разрушенный войсками Корбулона Арташат. Одним из доводов для доказательства посвящения гарнийского храма Митре является ссылка на близкий ему по пропорциям и декоративности храм в Кремне, посвященный якобы также Митре (стр. 57). Однако Ландкоронский, на которого ссылается при этом К. В. Тревер, высказывает лишь предположение, что храм был посвящен «какому-то чужеземному божеству, н а п р и м е р, М и т р е (разрядка моя.— А. Б.) или Magna Mater» (ук. соч., стр. 157). Нам представляется, что в датировке храма следует исходить прежде всего из его архитектурных и декоративных особенностей. Однако пересмотр датировки произведен К. В. Тревер не на основе новых или привлеченных дополнительных данных об особенностях самого храма, а на попытке приспособить ранее установленные архитектурные особенности храма к предвзятому выводу, основанному на общих соображениях об исторической обстановке в Армении того времени. Между тем для суждений об архитектуре храма существенное значение имеют новые данные, приведенные в статье Б. Н. Аракеляна⁵, устанавливающие в результате работ 1952 г. архитектора Саиняна, наличие сводчатого перекрытия над двускатной крышей целлы, что опровергает прежнее представление о плоском архитравном перекрытии храма Гарни и говорит

¹ Там же, стр. 136.

² D. Krenker u. W. Zschietzschmann, Römische Tempel in Syrien, 1938, т. I, стр. 112—114.

³ Ланского и др., ук. соч., т. I, стр. 22, табл. VII—VIII. Датировка гарнийского храма II в. была еще в 1948 г. дана В. Д. Блаватским, Всеобщая история архитектуры, т. II, кн. 2, стр. 388—391. Исходя из особенностей антаблемента гарнийского храма и из сопоставления его с памятниками Сирии (Хессн-Сулейман 150—200 гг. н. э.) и аркой Адриана в Атталее, технических особенностей кладки стен, а также особенностей орнаментации, В. Д. Блаватский приходит к выводу, что следует «рассматривать Гарни среди памятников античного зодчества, однако, некоторые особенности и чрезвычайно своеобразные орнаментики дают основание предполагать участие в его сооружении местных мастеров». Что же касается датировки, то «характер архитектурных форм не позволяет отнести храм Гарни ко времени ранее II в. н. э.»

⁴ СА, XI, стр. 296; ср. «Надпись о построении армянской крепости Гарни», стр. 5—6.

⁵ ВДИ, 1953, № 3, стр. 151.

скорее в пользу прежней датировки его II веком. Существование культа Митры и святилища этого божества в Гарни вполне вероятно, однако нет никаких данных для категорического утверждения о посвящении гарнийского храма Митре.

Родство форм гарнийского храма строительным формам древней Армении К. В. Тревер устанавливает путем сопоставления гарнийского храма с мусасирским (стр. 73—74): высокий подий с фасадным портиком в шесть колонн, высокий фронтон с акротерием и двускатное перекрытие (стр. 73). Однако двускатное перекрытие отнюдь не является специфической особенностью архитектуры древнеармянских храмов, и основная форма гарнийского храма — типичный периптер, выработана античной греческой архитектурой, тем более, как отметила сама К. В. Тревер (стр. 70), «мы еще не знаем, как выглядели армянские храмы... между IX в. до н. э. и I в. н. э.» Что же касается храма Мусасира, то нет оснований утверждать не только, что это был периптер, но даже и то, что на фасаде его были колонны, а не пилястры. В Мусасире отсутствует прежде всего ордер — основной признак, характеризующий гарнийский храм и роднящий его со всеми храмами античного мира. Относительно же попытки автора генетически связать ионический ордер Гарни с протоионической капителью гробницы в Курангуне следует указать, что памятник этот принадлежит иной этнической культуре, и, если допустить сходство капители курангунской гробницы с гарнийской капителью, то в равной степени это сближение можно распространить на все памятники античной архитектуры ионического ордера. Богатство и разнообразие мотивов растительной скульптурной декорации роднит гарнийский храм прежде всего с синхронными памятниками античной архитектуры Сирии и Малой Азии (Сагаласс, Термесс, Атталея, Баальбек), неоднократно привлекаемыми К. В. Тревер как наиболее близкие по орнаментике гарнийскому храму. Притом сама К. В. Тревер приводит (стр. 76) в качестве параллели тематики растительных орнаментов Гарни фриз из Сагаласса (т. е. Писидии, а не Армении). Что касается техники резьбы по базальту и некоторых стилистических и архитектурных особенностей, то участие в этой работе местных мастеров отмечалось неоднократно и ранее (Романов, Блаватский, Токарский). Гарнийский храм, как и другие аналогичные храмы Малой Азии и Сирии, представлял собой памятник эллинистической культуры на Востоке (ср. К. В. Тревер, СА, XI, стр. 303), и его тип был обусловлен определенной исторической обстановкой в Армении первых веков н. э. Стиль гарнийского храма отражает художественные вкусы армянской знати того времени, которая и диктовала их ремесленникам и каменотесам в соответствии со своей политической и культурной ориентацией, а не наоборот. Некоторые отклонения от архитектурно-декоративных форм античных храмов римского времени вполне естественны для Армении, но вряд ли они дают достаточный материал для воссоздания особенностей армянского зодчества того времени, памятники которого лишь начинают раскрываться и изучение их особенностей является еще делом будущего.

Глава о культе Митры в Армении, независимо от вопроса о назначении гарнийского храма, представляет значительный интерес. Используя данные древнеармянских и античных писателей, армянский эпос, древние обряды и обычаи и опубликованные археологические памятники, относящиеся к культу Митры, К. В. Тревер устанавливает большое значение местного древнего культа солнечного божества в Армении — Арди-Арега, образ которого позже (не ранее IV в. до н. э.) слился с образом Митры и еще позже, в связи с распространением греческой культуры в Передней Азии и Армении, превратился в синкретический культ солнечного божества Митры-Аполлона-Гелиоса.

Раздел, посвященный эпиграфическим памятникам, занимающий большую часть книги (стр. 99—288), ставит целью свести в одном издании греческие, арамейские и латинские надписи, найденные на территории древней Армении, и дать попытку более расширенного и углубленного истолкования их исторического значения, чем это могло быть сделано в разновременных первичных изданиях этих надписей. Ко II в. до н. э. относятся греческие надписи Армавира, датируемые правлением Арташеса I, и арамейские того же времени из района Севанского озера.

В вопросе о назначении греческих надписей Армавира К. В. Тревер исходит из сообщения Моисея Хоренского о существовании в Армавире прорицалища, где произ-

водилось гадание по шелесту листьев священной платановой рощи. Большого внимания заслуживает предположение автора, что камни с надписями не были случайно упавшими с вершины холма обломками скал, а еще в древности были помещены у его южного подножья, где и должна была находиться священная платановая роща с проприалищем и храмом Арега-Аполлона. Очень интересна попытка истолковать изображения на камне (рис. 22) как план крепости Армавира с расположенным у подножия холма храмом с проприалищем.

К. В. Тревер дает свое толкование и всем семи помещенным на камнях греческим надписям, видя в них отрывки из литературных произведений, использованных в качестве вещаний оракула, полемизируя с издателями этих текстов А. И. Болтуновой, Я. А. Манандяном и трактовавшими надписи в своих исторических исследованиях С. Т. Еремянном и Г. И. Гояном. Однако толкование надписей К. В. Тревер можно считать правдоподобным лишь для первых двух стихотворных текстов (№ 1 и 2, стр. 120—128), помещенных на первом камне, тем более, что на том же камне помещена и вотивная надпись, перечисляющая дары (№ 3, стр. 128—133), что с большой убедительностью подтверждает связь данного камня со святилищем¹. Более спорной является попытка К. В. Тревер истолковать как вещания тексты второго камня. Ссылка автора на фрагментарность текста надписи № 4 (стр. 134—137), якобы препятствующую его осмыслению, неубедительна, так как, за исключением первой строки и двух последних, сохранность остальных восьми строк вполне удовлетворительная, что дает полную возможность восстановить смысл и содержание надписи² как текст письма, адресованного царю Ебранту другим царем. Поэтому большое сомнение вызывает также объяснение слова *Mίθρας* как божества Митры, поскольку такое толкование не соответствует всему контексту надписи. Кроме того, известно что имя *Mιθράας*, например, носил один из полководцев Тиграна II (App., Mithr., 10). Не менее трудно принять за тексты вещания и надписи №№ 5 и 6 (стр. 137—142), которые не могут быть истолкованы как литературные произведения. Скорее допустимо, если отказаться от толкования надписи, предложенного А. И. Болтуновой, что названия месяцев сиро-македонского календаря (надпись № 5) были начертаны просто с целью фиксации их названий для потребностей культа или внешних сношений³. В этом случае последняя строка с пожеланием блага Фарнаку могла бы иметь самостоятельное значение. Этому, однако, противоречит то обстоятельство, что последняя строка тесно примыкает к предыдущему тексту и начертана в виде его продолжения. Данное же автором объяснение имени Фарнака как эпитета «божества — покровителя месяцев», не убеждает уже потому, что трудно представить себе пожелание здоровья богу, да еще в условной форме.

Не менее трудно связать с текстами вещаний оракула и надпись № 6 (стр. 140—142). Стихотворная надпись № 7 (стр. 142—147), действительно являющаяся отрывком литературного произведения, составленного в эпической форме, также не может служить текстом вещания уже потому, что она содержит повествование о событиях свершившихся, а не предстоящих. Таким образом, все четыре надписи на втором армавир-

¹ Мысль о связи данных надписей со святилищем высказывают также и французские ученые Jeanne et Louis Robert, которые склонны видеть в надписи № 2 арегалогию (оригинальную или заимствованную у какого-либо автора) или, как и К. В. Тревер, текст оракула (REG, т. LXV, 1952, № 304—305, стр. 182 и 185).

² Ср. J. et L. R o b e r t, ук. соч., стр. 183 и 184. Следует отметить, что К. В. Тревер, тщательно изучавшая не только фотографии, но и самый камень (второй, так как первый утрачен), и приводящая с исчерпывающей полнотой все попытки чтения и дополнения лакун, предложенные Я. И. Смирновым, А. И. Болтуновой и Я. А. Манандяном, воздерживается; однако, от каких бы то ни было попыток дать свое собственное чтение. Попутно отметим одну допущенную неточность в комментарии надписи № 1: в надписи IOSPE, II, № 409, на которую ссылается К. В. Тревер, упоминается не *περσης* а *περσευ*.

³ Ср. J. и L. R o b e r t, ук. соч., стр. 183.

ском камне по содержанию не подходят для целей вещания, а связаны с какими-то конкретными историческими лицами, имевшими отношение к политической жизни Армении. Фиксация на территории святилища документов, связанных с внешнеполитическими отношениями армянского государства, может найти свое объяснение в том, что все важные события и договоры обычно сопровождались какими-то культовыми обрядами и клятвами, что было тесно связано с деятельностью жрецов, имевшей непосредственное отношение к этой области государственной жизни. О возможности такого предположения свидетельствуют слова Страбона из описания соседнего иберийского государства¹. Что касается надписи № 7 (стр. 142—147), то она еще нуждается в тщательном изучении. Относительно объяснения текста как повествования о смерти Арташеса, можно высказать следующие соображения. Отрывок стихотворного произведения о смерти Антиоха IV мог быть начертан не только, как думают Я. А. Манандян и К. В. Тревер, в Селевкии (скорее мы сказали бы — в Антиохии), но и в Армавире, как повесть о событии, радостном для Арташеса, тем более, что текст упоминает об имевшей ранее место оккупации Армении, еще недавно находившейся под властью Селевкидов². Нет никаких данных также и о том, что супруга Арташеса была его сестрой и носила титул Филадельфы. Кроме того, непонятно, какое отношение мог иметь Нумений к супруге Арташеса, которой он сообщает печальную весть.

Большой интерес представляет надпись, найденная в 1945 г. в Гарни. Чтение этой надписи, так же как толкование ее, предложенные К. В. Тревер, представляют несомненно большой шаг вперед в сравнении с изданиями этого документа С. Д. Лисицианом и Я. А. Манандяном. Тем не менее вопрос о датировке и дополнении утраченных концов строк нельзя считать окончательно решенным. Если принять дополнения концов строк третьей, шестой и седьмой, то не может не показаться странным, что утраченными оказались все армянские, термины за исключением $\tau\epsilon\lambda\alpha\rho\acute{\iota}[\omicron\nu]$. Но толкование этого слова как армянского тэр вызывает сомнение; приводимое К. В. Тревер объяснение наличия этого родового термина в данном контексте звучит искусственно и неубедительно: к царю, который уже назван в надписи $\acute{\alpha}\nu\alpha\chi\tau\omega\rho$ (или $\acute{\alpha}\nu\alpha\chi$) и $\delta\epsilon\sigma\tau\acute{o}\tau\eta\varsigma$, этот родовой термин вряд ли может быть применен. Это не царь, а скорее какое-то лицо, которому был непосредственно подчинен Меней. Особенно сомнительным кажется дополнение 6-й строки: $\sigma\tau[\alpha\rho\alpha\tau\acute{\epsilon}\tau]\varphi$; предпоследнюю букву седьмой строки скорее следует принять за эпсилон, чем за сигму. На табл. 79, где буквы отретушированы, все же видна непроретушированная горизонтальная *hasta* буквы эпсилон, гораздо яснее различимая на табл. 78. Это обстоятельство заставляет предполагать здесь утраченное слово $\acute{\epsilon}\pi[\tau\rho\acute{\rho}\tau]\omega$. Термин $\acute{\epsilon}\pi\tau\rho\pi\acute{o}\varsigma$ мы находим в греческом тексте двуязычной надписи из Армази в значении управителя царских владений, «двороуправителя» и, может быть, даже «великого визиря»³. В данном контексте надписи, сообщающей о воздвижении какого-то строительного сооружения по велению царя, термин $\acute{\epsilon}\pi\tau\rho\pi\acute{o}\varsigma$ вполне уместен. В переводе К. В. Тревер слово конца шестой строки $\sigma\tau[\alpha\rho\alpha\tau\acute{\epsilon}\tau]\varphi$ или $\acute{\epsilon}\pi[\tau\rho\acute{\rho}\tau]\varphi$ неправильно связано со словом, $\lambda\iota\tau\omega\rho\upsilon\gamma\acute{o}\varsigma$, так как слова $\mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\epsilon\pi\text{....}\varphi$ стоят в дательном, а не в винительном падеже; поэтому они служат не определением, а дополнением к слову $\lambda\iota\tau\omega\rho\upsilon\gamma\acute{o}\varsigma$. Нельзя согласиться также с пониманием первого слова надписи $\epsilon^{\iota}\text{Нλιος}$ как обращения к богу солнца (стр. 187 и 205). Если бы это

¹ Str., XI, 3,6: δευτερον δὲ [γένος] τὸ τῶν ἱερῶν, οἱ ἐπιτελοῦνται καὶ τῶν πρὸς τοὺς δμόρους δικαίων.

² Глагол $\acute{\epsilon}\pi\iota\kappa\rho\alpha\tau\acute{\epsilon}\omega$ означает не только «верховно владеть» или «надвладеть» (К. В. Тревер, Очерки, стр. 146), но и «побеждать, одолевать, овладевать».

³ Ср. С. Г. Каухчишвили, «Новые греческие надписи из Армази, Сообщ. АН Груз. ССР, т. II, № 1—2, Тб., 1941, стр. 172—175; А. Г. Шанидзе, Данные греческо-пехлевийской билингвы из Армази для истории термина эзойсмодзгуари в древнегрузинском, там же, стр. 181—186; Г. В. Церетели, Армазская билингва, Тб., 1941, стр. 65—67.

было так, то слово ϵ^{\prime} Ηλιος должно было бы стоять в звательном, а не в именительном падеже. Именительный падеж указывает, что слово ϵ^{\prime} Ηλιος представляет составную часть имени царя, полное официальное наименование которого было ϵ^{\prime} Ηλιος Τυριδάτης. Употребление ϵ^{\prime} Ηλιος в качестве мужского имени засвидетельствовано многочисленными примерами надписей Боспора и Ольвии первых веков н. э.¹

Совершенно неприемлемой приходится признать и датировку автором надписи четвертой четвертью I в. н. э. (стр. 196). На основе анализа языковых и палеографических особенностей гарнийской надписи К. В. Тревер правильно сближает ее с армазской, однако, датируя последнюю, она искажает выводы издателей этой надписи, неверно указывая предложенную ими датировку². Ссылка на то, что круглая форма эпсилона, сигмы и омеги появляется, по словам В. В. Латышева, в начале императорского периода и около 120 г. заменяется формами архаизированными, не вызывает критики. По словам того же В. В. Латышева, «такие формы очень медленно прививались на Востоке и рядом с ними продолжали употребляться формы Ε, Μ, Σ, Ω». Это может быть подтверждено многочисленными примерами надписей II—IV вв., изданных в МAMA и в IOSPE, и других надписей Малой Азии и Сирии, на которые ссылается К. В. Тревер, в то время как надпись Веспасиана из Мцхета, близкая по времени к предложенной К. В. Тревер дате гарнийской надписи, имеет совершенно иной шрифт. Для гарнийской надписи характерными являются начертания ломаной кси и вытянутого ипсилона, особенно в последней строке, что в сочетании со скорописным начертанием ми и омеги и общим характером шрифта исключает возможность датировки надписи ранее конца II—III вв. н. э. Упоминаемое в надписи имя Μενώλας действительно часто встречается в надписях Малой Азии и Сирии, и просмотр документов показал, что подавляющее большинство памятников, где встречается это имя, относится ко времени II—IV вв. н. э. В пользу этой же датировки говорят также и употребление дифтонга αι вместо ε³. Предполагаемое К. В. Тревер употребление армянских или парфянских терминов и предложенное мной дополнение ἐπ[ι]τρίπ[ω] также говорят за датировку не ранее половины II или III в. н. э. Поэтому отнесение данной надписи к Тирידату I, с нашей точки зрения, должно быть решительно отвергнуто.

К. В. Тревер нашла возможным отнести II апаранскую надпись к Тирידату II. Поскольку все приведенные ею аналогии шрифтов гарнийской и апаранской надписей с полной убедительностью говорят за датировку апаранской надписи началом III в., то следует скорее относить обе надписи ко времени Тиридата II. В пользу этой даты говорит и состав титулатуры, и отсутствие лигатур, и орфографические особенности обеих надписей.

Хотя данная К. В. Тревер полная публикация эпиграфических памятников Армении очень важна и ценна сама по себе, однако отмеченная выше спорность и порой неприемлемость датировок и истолкования автором некоторых надписей осложняют пользование данной публикацией. Также и основные исторические выводы автора особенно касающиеся времени правления Тиридата I, не всегда могут быть безоговорочно приняты вследствие неправильных датировок памятников на основании которых эти выводы строятся. Происходит это потому, что к вопросу о датировке памятников автор подходит прежде всего от возникающих у него априорных предположений о связи памятника

¹ IOSPE, II, 29с, 95, III, 160, 163, 196, 256, IV, № 311, 341, 435; I², № 128.

² К. В. Тревер, Очерки. . . стр. 196: «. . . не позднее начала II в. Т. С. Каучишвили, Греческие надписи Грузии, стр. 250: «. . . надпись надо датировать примерно II в.»; С. Г. Каучишвили, Сооб. АН Груз. ССР, 1941, т. II, № 1—2, стр. 173: «. . . надпись не ранее II, точнее II—III вв.»; Г. В. Церетели, Армазская билингва, Тб., стр. 20: «. . . конец или середина II в.»; Он же, ВДИ, 1948, № 2, стр. 52: «. . . начало второй половины или конец третьей четверти II в.».

³ Ср. IOSPE, II, № 432—227—233, гг. и ряд надгробий северного Причерноморья: IOSPE, I², 485; IOSPE, II, № 71, 83, 176, 372; IOSPE, IV, № 228, 248, 295, 333.

с той или иной общей исторической обстановкой или интересным фактом, упоминаемым в литературных источниках, а не из особенностей самих памятников. Примерами являются отмеченный выше пересмотр датировки гарнийского храма, гарнийской надписи, основывающийся на общих соображениях автора о восстановительных работах Тиридата I по возвращении из Рима, новая датировка эмиадзинской надписи 165 г. н. э. на основании сведений об эпидемии чумы в том году (стр. 252). В тех же случаях, когда аргументированная точка зрения других ученых не совпадает с апрорным взглядом К. В. Тревер, она попросту отказывается от рассмотрения их соображений (стр. 137, прим. 2).

Следует отметить, что ряд имеющихся в распоряжении исследователей источников, позволяющих осветить важные стороны древней культуры Армении той эпохи, таких, как раскопки могильников, памятники художественного ремесла, остался вне внимания автора.

В стремлении доказать глубокую самобытность и высокий уровень культуры древней Армении рассматриваемого периода, К. В. Тревер приводит аргументы, не всегда, с нашей точки зрения, удачные. Примером является ее попытка связать основные формы архитектуры гарнийского храма с древнейшими местными архитектурными традициями. При безусловно правильном критическом отношении к концепциям буржуазных ученых, по меньшей мере странно и необедительно звучат оговорки автора о «якобы более высокой эллинской культуре» (напр., стр. 16), хотя то, что греческая культура последних веков до н. э. и первых веков н. э. была более высокой и что в ту эпоху армяне заимствовали элементы этой культуры, а не наоборот, не нуждается ни в доказательстве, ни в пояснении. Отсутствие у армян до конца IV в. н. э. собственной письменности достаточно ясно указывает на уровень их социально-экономического и культурного развития. В этой связи вызывает недоумение заявление К. В. Тревер, что армянский перевод одного из сочинений Метродора Скепсийского «упоминается среди трудов Филона Александрийского, писателя начала I в. н. э.» (стр. 11; ср. стр. 15). Приведенная К. В. Тревер ссылка на статью Вельмана (Hermes, Bd. II, 1917) указывает только, что сочинение Ἀλέξανδρος ἢ περὶ τοῦ λόγου εἶχει τὰ ἰλογα ζῶα принадлежит перу Метродора, как думает Вельман, а не Филона; сохранившиеся же армянские переводы фрагментов псевдо-Евстафия из этого сочинения могут служить материалом для характеристики литературных вкусов и культурного облика средневековой Армении, но никак не эпохи Тиграна.

К. В. Тревер отмечает, что о культуре широких слоев армянского народа почти ничего неизвестно (стр. 13), культура же высших слоев общества находилась под сильным влиянием эллинистической культуры (деятельность Метродора, Амфикрата, греческий театр в Армении, литературная деятельность Артавазда, религиозный синкретизм). В этой связи нельзя обойти молчанием точку зрения автора на проблему эллинизма. В оценке социально-экономического строя армянского общества двух последних веков до н. э. К. В. Тревер присоединяется к основным выводам исследований С. Т. Еремяна, который рассматривал его как общество рабовладельческое с пережитками первобытно-общинного строя в виде сельской общины, замедлявшей переход к развитым рабовладельческим отношениям (стр. 7). В то же время К. В. Тревер не разделяет четко выраженную этим исследователем точку зрения на Армению как на эллинистическое государство и на культуру Армении как культуру эллинистическую. Несколько односторонне понимая концепцию А. Б. Рановича, изложенную в его книге «Эллинизм и его историческая роль», она кладет в основу определения эллинизма как исторического явления формулировку А. Б. Рановича, что эллинизм «вырос на корнях античного рабовладельческого общества в его классической форме» (стр. 17). Отсутствие в Армении этой «классической формы античного рабовладельческого общества» и заставляет К. В. Тревер отвергнуть возможность применить термин «эллинизм» для обозначения определенного периода общественного развития в истории Армении. Отмечая дискуссионность проблемы эллинизма в советской историографии, приходится все же констатировать отсутствие четкости и последовательности во взглядах К. В. Тревер по этому вопросу. Ибо, если незавершенность перехода от κοινῶνια к πολιτεία и наличие

сельской общины, замедлявшей процесс перехода к развитым формам рабовладельческого строя, имели место в Армении, то все исследования А. Б. Рановича с полной убедительностью показали, что та же особенность характеризует и общественный строй Египта и государства Селевкидов, принадлежность которых к эллинистическому миру никогда и никем не оспаривалась.

Между тем, раскрывая сущность эллинизма как этапа социально-экономического развития рабовладельческого общества, в применении к Армении К. В. Тревер склонна рассматривать эллинизм не как комплекс явлений экономической и общественной жизни, а как явление культурно-историческое. Она отрицает возможность применить термин «эллинизм» к Армении и ее культуре на том основании, что «древнеармянская культура, обогащенная эллинистическими культурными традициями (разрядка моя. — А. Б.)... носит с а м о б ы т н ы й характер, сохраняя местные черты... обусловленные особенностями развития армянского народа, и по уровню своих достижений не уступает культуре соседних эллинистических государств».

Что касается последнего тезиса, то он звучит достаточно голословно уже потому, что в труде К. В. Тревер рассмотрены лишь памятники культуры господствующих слоев населения Армении, отражающие греческое влияние, и совершенно не дающие представления о достижениях самобытной народной армянской культуры того времени.

А. Болтунова

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ, Восточнославянские племена, изд. 2-е, переработанное и расширенное, М., Изд-во АН СССР, 1953; 312 стр., цена 7 р. 70 к.

Раскрыть древнейшую историю восточнославянских племен — предков русского, украинского и белорусского народов — задача интересная и важная. Без этого нельзя изучить историю создания древнерусского государства, ко времени возникновения которого славяне прошли уже большой и сложный путь. Без этого нельзя понять историю европейского средневековья, в которой славяне играли видную роль. Поэтому надо приветствовать выход в свет вторым изданием книги П. Н. Третьякова, дающей обобщенную историю восточного славянства с древнейших времен до образования в IX в. древнерусского феодального государства.

По сравнению с ее первым изданием, вышедшим в 1948 г., книга подверглась значительной переработке. Исправлены ошибки, вызванные некритическим использованием, так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра. В книге широко обобщены достижения советской археологии.

Свой труд П. Н. Третьяков начинает с историографического очерка, где подвергает острой критике концепции дворянско-буржуазной историографии по вопросу о происхождении славян, вскрывая их несостоятельность. Он показывает также, что господствовавшее среди дворянско-буржуазных историков представление о славянах как о поздних пришельцах в нашей стране идейно связано с «норманской теорией» происхождения русского государства. «Норманисты», фальсифицируя историю, «всячески стремились принизить историческую роль славянских народов и пытались утверждать, что славяне по своей природе неспособны к самостоятельному развитию и творчеству. «С этой же целью они пытались „отнять“ у славян их родину» (стр. 10).

Историографический очерк был бы более убедительным, если бы история изучения древнейших судеб славянства была рассмотрена в тесной связи с общим развитием русской исторической науки, с борьбой в ней школ и направлений, связанной с классовой и политической борьбой в стране. Изучение истории славянства следовало связать с историей «славянского вопроса» в России, игравшего большую роль в общественно-политической жизни и определявшего политическую остроту различных концепций происхождения и развития славян. Тогда бы ярче прозвучало в книге и выступление